

УДК 821.01/01

Каиржанов А.К.
(Астана, Казахстан)

**ВИЗАНТИЙСКИЕ КОНЦЕПТЫ
В ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ
КИЕВСКОЙ РУСИ**

Византизм, по определению Константина Николаевича Леонтьева (1876 году), обозначает, во-первых, самодержавие, во-вторых, в религии – христианство, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В-третьих, в нравственном аспекте, византизм – разочарование во всем земном, стремление освободиться от мирских устремлений («Византизм и славянство»).

Что касается **первого аспекта** этого сложного понятия, то можно дать короткую историческую справку.

Византийская империя почти на всем протяжении своей эволюции испытывала угрозу со стороны своих соседей, то есть была окружена врагами и вела постоянные войны. В V веке с гуннами, в составе которых были остготы и славянский племенной союз анты. В VI-VIII веках вела борьбу с викингами и с болгарскими племенами (утургурами и кутургурами), натравливая их друг на друга, обезопасила свои северные границы от набегов. В это же время империя вела перманентную войну с персами из-за того, что персы перекрывали Великий шелковый путь. Византия искала союзников, и в VI веке василевс направлял в тюркский каганат четыре посольства (Евтихия, Иродиона, Павла Киликийского и Анангаста), чтобы совместными усилиями обуздать и приструнить персов, и тем самым освободить Великий шелковый тракт для ведения торговли. В X веке с Киевской Русью. Но были времена, когда существование империи висело на волоске. Так, армия Романа Диогена в 1076 году при Манзикерте потерпела поражение от войск Алп-Арслана, который, привлекая тюркских кочевников Приаралья, сумел создать Сельджуков Рум. Султаны не ставили перед собой задачи сокрушить Византию. Они пытались сохранить в Анатолии дуализм – исламские владения (Дар ал-ислам) и христианские земли (Дар аль-харб). Однако сельджуки вскоре погрязли в междоусобной войне. Так, в 1086 году Сулейман терпит поражение от сельджукского военачальника Тутуша и был убит. Однако государство Сельджуков Рум просуществовало до 1206 года, пока не было уничтожено монголами. Неоднократные обращения василевса к папе Римскому привели к череде крестовых походов, начиная с 1096 года. Так, очередной крестовый по-

© *Каиржанов А.К., 2012*

ход привел в 1204 году взятию Константинополя, что спровоцировал сепаратизм внутри империи. Так, в Трапезунде появился новый василевс, принявший титул автократа. В 1206 году появляется Никейская империя.

И только в 1261 году Михаилу VIII удалось освободить Константинополь от латинского влияния. Несмотря на все взлеты и падения Византия сумела сохранить свою самодержавность, где силой, а где и хитростью дипломатии и это продолжалось до окончательного исчезновения империи в 1453 года.

Теперь подробнее рассмотрим **второй и третий аспекты** византизма.

Византизм как концепция получил свое начало и развитие в 4 – 6 веках, представляя сплав идей эллинистического неоплатонизма и ранней средневековой патристики (труды Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Псевдо-Дионисия Ареопагита и др.). В это сложное время усиливается мимезис со стороны большинства населения Византии по отношению к отцам церкви, которые в своих трудах и проповедях создали особое отношение к ранневизантийской культуре, центром которого становится христианский Бог как источник «абсолютной красоты».

В сочинениях Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Григория Нисского, а также в речах Иоанна Златоуста закладывалась основа византийской ментальности. Кстати, ментальность мы понимаем вслед за Владимиром Викторовичем Колесовым и Моисеем Михайловичем Копыленко как мирозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Кстати, сегодня Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, что в Астане отмечает 100-летие со дня его рождения и наше понимание ментальности эквивалентно с его воззрениями по этому вопросу.

В этой ментальности наблюдается сочетание идей раннего христианства (мы отмечаем, что христианская конфессия официально оформилась в Византии) с философией неоплатонизма и аристотелизма.

Главная отличительная черта византизма в отличие от католицизма проявилась в своеобразии философско-богословских воззрениях католических теологов и словолюбцев, в догматике, литургии, обрядности церкви, в системе христианских этико-эстетических ценностей Византийской империи.

Мы в нашем исследовании стремились показать на материале языка переводных со среднегреческих сакральных и не сакральных текстов древнерусской письменности 11 века византийскую ментальность. Главное, каким образом она внедрялась в славянские земли.

Определяя черты византизма, мы прослеживаем, каким же диссипативным трансформациям они подверглись в языке памятников древнерусской письменности, и что восприняло из этой ментальности население Киевской Руси.

Чтобы быть понятным, остановимся на методологических аспектах нашего исследования.

Мы понимаем, что любая система синергична, в том числе и языковая система. Синергия языковой системы предполагает процессы взаимодействия как минимум двух противоречивых начал – нарастающий источник (генерация, или трансформация), выполняющий роль кодификации языка, и диссипации, действующей только в речевой

стихии, влияющей на язык своими двумя фазами: диффузией, когда элементы из речи вначале проникают в язык. Но это не значит, что эти новые элементы могут быть усвоены языком. В большинстве случаев они отвергаются языком, и только немногие новые элементы приживаются в нем. Распространяются они в языке благодаря второй фазе диссипации, которую мы обозначаем «дисперсией». Эти новые лингвистические реалии пополняют язык. Такое состояние естественного языка и его системы обозначается нами как нелинейное (дискретное), открытое (динамическое) состояние. Кроме того, такая система неуравновешенна, потому что диссипация и генерация (наращивающий источник) по отношению друг к другу находятся в напряженной связи: генерация всегда консервативна, а диссипация хаотична, но благодаря которой появляется в языке новые приращения. Иначе говоря, язык подвергается развитию и на определенном этапе наступает надлом и возникает фаза флуктуации, что приводит к перегреву языковой системы. Однако на новой точке аттрактора начинается подъем и развитие языка на новом уровне. Но это такой уровень языка, который отрицает предыдущее состояние, что затрагивает все уровни языка. Кстати, мы планируем свой доклад на очередной конференции «Мова и культура», на которой попытаемся показать лингвосинергетические взгляды выдающегося украинского ученого Сергея Борисовича Бураго.

А теперь вернемся к нашим баранам, так, например, случилось с церковнославянским языком русского извода в конце 17 века, когда его функционирование ограничивалось только в сакральной сфере.

Вместо литературного кодифицированного языка возник симбиоз и ужасная эклектика, то есть функционировал так называемый «перемешивающий слой» в лексике, состоящий, например, из иноязычной и просторечной лексики. Этот процесс можно показать на рисунке.

Генерация языковой системы возможна, когда в динамической системе существует неустойчивое состояние, т. е. возникает «перемешивающий слой». Другими словами, «перемешивающие» семантические сдвиги лингвистических единиц. Это удачно демонстрируется в трудах Д.С. Чернавского. На каждой точке эволюции языковой системы возникают «перемешивающие слои»; движение в этих слоях происходит не только по вертикали «верх↔вниз», но и в разные хаотические направления, и мы наблюдаем процесс синергии. Об этом свидетельствует полисемия словарных статей толковых словарей и употребления лингвистических единиц в том или ином дискурсе, которые получают такие значения, которые не отражаются в толковых словарях.

Неустойчивость системы в момент бифуркации происходит при нарушении исходной однородности системы и в этих условиях формируется структура. Нелинейные единицы разных уровней системы схвачены изоморфностью, что и приводит к стабилизации структуры. Подобная структура остается гармонической с определенной амплитудой колебания, т. е. формируется устойчивость системы на новой точке аттрактора, благодаря флуктуации. Если новая диссипативная структура (D_2) больше начальной (D_1), то образуются ступенчатые структуры, т. е. мы имеем дело с новым (гармонической амплитудой) уровнем развития системы. Однако новая информация при этом не образуется, т.к. она возможна только при образовании «пичковых» структур.

В этих условиях в системе генерируется новая информация. Это происходит в структуре перемешивающего слоя.

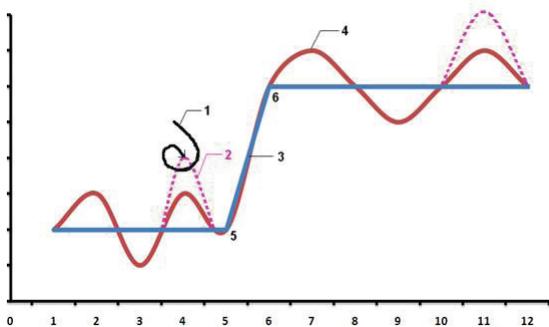

Рис. Образование ступенчатых и пиковых структур

1. Образование перемешивающего слоя во время пика амплитуды колебания в определенный момент эволюции языка. 2. Пиковая амплитуда неустойчивости системы. 3. Тенденция переструктурирования структуры языка во время флуктуации. 4. Гармоническая амплитуда устойчивого развития системы. 5. Бифуркация или перегрев системы. 6. Точка аттрактора, где начинается переструктурирование системы в новых условиях.

Сравните, например, из истории современных русского и украинского языков. Ведь усилиями многих писателей и мыслителей возникла тенденция к переструктурированию языка, преодолевая последствия долгой флуктуации, приведшей к установлению «нового баланса» в языке, что предвосхитило в России пушкинскую эпоху, а на Украине шевченковскую эпоху. Теперь обратимся к византийским символам. Византийские символы ментальности (солнце, свет, тепло, весна; тьма, холод, зима; буря, волны; море; корабль; кормчий; земля; семя; сеятель; волк; голубь, горлица; орел; лев; облако и дым и др.) проникли в язык памятников древнерусской письменности Киевской Руси благодаря престижности и сакральности церковнославянского языка, где фазы диффузии и дисперсии совпали. Здесь нельзя не отметить роль экстралингвистических факторов, которые диктовались католическим христианством. И язык, и христианская ментальность оказали влияние на те, или иные сдвиги в сознании древнерусского суперэтноса Киевской Руси, и эта ментальность отражается в зеркале языка переводных и оригинальных текстах Киевской Руси.

В нашем исследовании мы обратились к текстам Хроники Георгия Амартола, которая вкупе с другими трудами славянского средневековья, стояла у истоков формирования духовности народов Киевской Руси, привнесенной из Византии. Через хронографы воспринималось многое – и философские системы античности, например, неоплатонизм, и богословские учения католического христианства. На страницах ХГА мы зрительно представляем и ожесточенную борьбу христианства с ересями различного толка, описанные в рамках борьбы добра и зла. Содержание ХГА пронизывает прецессия, которая служит и средством, и является синергией, в которой отражаются основные догматы ортодоксальной доктрины православия. Перед нами средневековая историко-философская энциклопедия, представляющая собой полный и исчерпывающий перечень сакральных

воззрений, оцененных составителем как великое благо, что позволило в самой Византии в многочисленных списках сформировать христианскую ментальность, которая была неоднозначно воспринята в славянских землях, в том числе и в Киевской Руси. Для анализа мы предприняли анализ одного концепта – концепта «премудрости».

Этот концепт у Георгия Амартола представляет собой соединение размышления и познания, что является когнитивным conceptus-ом. Мы использовали публикацию ХГА Василия Михайловича Истрина, греческий текст Карла де Боора. Кроме того, привлекли современный перевод этого памятника письменности, осуществленные В.Матвиенко и Л.Щеголевой.

Концепт премудрости у Георгия Амартола эксплицирует значение «истолкователь скрытой божественной истины, правды». Этими качествами может обладать тот, кто был вдохновлен Богом, кто научился просвещать сердечное зрение. Он – выразитель сакрального духовного братства и противник еретичества, отвергающий их развращенные нравы. Ведь всем известны развращенные нравы римлян в эпоху эллинизма.

Идея поиска «неизреченной премудрости» постоянно заставляла рефлексировать византийских словолюбцев и временнаписцев, чтобы «с правдой утесняться, чем с ложью расширяться (платонничать)».

Прецессию поиска этой мудрости обнаруживаем во многих древнерусских текстах. Так, например, в Изборнике 1076 года используется сочетание «открыти корень премудрости» (*αποκαλύπτω ρίζα σοφίας*) является сакральным символом – синкретой в византийской сакральной культуре, обозначающий «обнаруживать источник неизреченной мудрости». Компоненты этого сочетания подверглись семантическому сдвигу (K1K1) и получили следующие несвободное значение «обнаруживать сокровенную мудрость». В славянских языках этот символ является продуктом заимствования, и не можем мы согласиться с тем представлением отдельных ученых, что премудрость (София Премудрости) и другие символы кафолической церкви есть изобретение русского мира.

Поиски «неизреченной» божественной премудрости стали краеугольным камнем византийского православия, перешедшего и заимствованного в славянских землях, в том числе и в Киевской Руси. Так, концепт «Софии Премудрости» стал осмысливаться на Руси более широко. Во-первых, София – величественный собор, символ благоустроенности бытия, гармонизация хаоса, единение в одну соборность жителей страны, мощи государства. Во-вторых, София – иконографический сюжет в экспрессивно-поэтической форме толкующий горноую Премудрость Христа; в-третьих, София – это тема письменных источников, разнообразно представляющих неизреченный образ пластически выраженной глубокой сакральной мысли; и, наконец, в-четвертых, София – это символически зашифрованная сакрально-философская мудрость. И эта мудрость, облекаясь в экспрессивно-эмоциональный образ, воплощает в себе, характерное для Средневековья, символическое представление о высшей божественной мудрости, сосуществовавшее в духе определений византийской сакральной философии [21, с.70].

Уже в XII веке Кирилл Туровский, опираясь на труды Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Симеона Логофета, Епифания Кипрского, разрабатывал проблему изучения «неизреченной» премудрости в своем сочинении «Слово о премудрости» [110]. Он считает, что познание премудрости возможно, если мы с вами будем обладать высокими нравственными качествами: «кротость бо есть мати мудрости и разуму и помыслу благу

и всем добрым делом» [111, с.79]. Кирилл Туровский использует образ кроткой матери, которой смирение, мудрость являются ее детьми, а отцом выступает сам Господь.

Этому сакральному «семейству» противостоит *гордыня*, являющаяся средоточием всех человеческих пороков, а возглавляет их Сатана. Человек, смиривший свою гордыню, может стать мудрым человеком, носителем глубокого и истинного сакрального знания, могущим транслировать эти познания другим людям. *Кротость и смирение*, по мнению византийских отцов церкви, формируются при помощи специальной аскетической системы – исихии (εσῆχια – ‘покой, безмолвие, отрешенность’). Это этико-аскетическое учение о пути к единению человека с Богом через очищение сердца (κάρδιαν κατάρσις) постом, слезами и самососредоточением сознания. Возникло в IV-VII веках в первых монастырях Византийской империи. Об этом свидетельствуют Отечники «Муж мудрый безмолвие видит», хотя первое описание исихазма дал Симеон монах Ксерокерского монастыря в Константинополе. П.В.Пятнов приводит в своей статье отрывок из описания исихазма Симеона: «затвори дверь твоей кельи, сядь в углу и отвлеки мысль твою от всего земного, телесного и скоропреходящего. Потом склони подбородок твой на грудь свою и устрями чувственное и душевное око твое на пупок свой; далее сожми обе ноздри свои так, чтобы едва можно было дышать, и отыщи глазами, приблизительно, то место, где сосредоточены все способности души. Сначала ты ничего не увидишь сквозь тело твое; но когда проведешь в таком положении день и ночь, тогда, о чудо, увидишь то, чего никогда не видел, увидишь весьма ясно, что вокруг сердца твоего распространяется божественный свет» [112, с.55]. Идею исихазма защищал Григорий Палама, который писал, что божественное озарение было явлено Иисусом Христом, чтобы люди могли постичь «неизреченную» премудрость Бога. В 1351 году Григорий Палама одержал победу над противниками этой аскетической системы, и учение исихазма стало официальной политической доктриной в Византии.

Итак, постижение высшей премудрости, по мнению представителей католического христианства, возможно благодаря исихазму, который в представлениях монахов создает условие для преодоления, прежде всего, в самом себе *гордыни*, то есть формирование *кротости души* делает человека более совершенным, помогая преодолеть, например, некоторые природные стихийные чувства и неупорядоченность мысли. В английском языке есть слово «рендер», которое обозначает ‘выстраивание в одно единое целое ряд фрагментов’. Исихия упорядочивает мысли, направляя их в одно направление, поэтому византийский монах, используя аскезу исихазма, становился кротким, а это позволяло ему постичь доминирующие смыслы божьей премудрости, сокровенных тайн, например, темных и неизреченных мест текста Священного Писания. Но для этого необходимо, по мнению Георгия Амартола, знать, что человеку присуще «два пути и образа жизни... Ведь первый трудный и житейский -- ... о браке – а другой ангельский, и апостольский, и безупречный – девственность, то есть монашеская жизнь. Тот, кто избрет житейский, то есть брак, порицаться не будет, но столь великой благодати не получит. Ведь получит, как принесший тридцатикратный плод. А тот, кто возлюбит чистый и прекрасный, даже если он и покажется слишком суровым и труднодостижимым из-за добродетели после законного страдания и терпения, получит более дивную и достославную благодать. Ибо он явно вырастил совершенный и полный, светлый и благолепный плод, то есть сторицу» [103, с.192-193].

В Киевскую Русь исихазм проник вместе с крещением как неотъемлемая часть христианской веры. Принято считать, что исихазм на Руси имел свои отличительные черты от византийской доктрины тем, что он не был основной богословской доктриной [112, с.56]. Однако, тем не менее, на Руси, особенно, в монастырях в определенных случаях без этой аскетической системы невозможно было обойтись, и она оказывала свое влияние на формирование отдельных черт древнерусской ментальности. Мы не думаем, что в Киево-Печерской лавре не были известны, хотя бы отдельные аскетические элементы исихазма. Эти наши рассуждения подтверждаются исследованиями Д.С.Ищенко. Он, исследуя переводные тексты Киевской Руси XI века, указывает, что «с приходом в Киев митрополита Георгия связывается, по летописи, приобретение Феодосием Печерским Студийского устава, по которому полагалось читать в монастырях поучения Феодора Студита» [127, с.152].

Ср., цитату из «Слова» Григория: «дхъ чювьствьннии тьнъчеи есть инехъ телесь, тако и англское естъство, очима чювьствьнома не видиться» [Ibid, с.152]. Здесь парафрастически указывается на определенные элементы исихазма, при помощи которого достигается познание высшей сакральной мудрости. Итак, и Антоний, и Феодосий Печерские, по видимому, владели аскезой православия, конечно, дальнейшая разработка этой аскезы и приведение в стройную систему мы наблюдаем в монастырях Московского царства, о котором указывает В.В.Колесов [114, с.260-274]. Кроме того, мы в наших рассуждениях хотели бы уклониться от категорических суждений, так как любое такое поведение может привести к искажению истинного положения вещей в истории культуры древнейшей поры.

Приведем места из текста Амарт, где Георгий мних передает особенности этой христианской аскезы исихастов. Так, «Амаковский же этот *кротким научением* и суровым убеждением порученного ему юношу *в светлом молчании* жизни его утвердил». В этом же абзаце читаем: «он, по царскому повелению отправившись в Испанию, в отчие земли, где он родился, там, *в молчании и кротости* жизнь проводил» [103, с.300]. *Кротость* и *молчание* вбирается концептом «молчальничество»: εἰς ἄσκησιν ‘находиться в состоянии аскетизма’, то есть ‘подвергать себя длительному воздержанию’. Славянский переводчик при помощи лексемы **съ молчаньемъ** сумел свободно передать смысл, проясняющий основную суть исихазма, понятный древнерусскому монашеству Киевской Руси. Ср., в Амарт еще одно повествование о жизни исихаста: «Феодосий... , уведав волю Божию через Иоанна, монаха и постника египетского. Этот божественный муж, будучи девяностал лет возрастом, один в пещере пребывал, сам не выходил из своей кельи и других не пускал к себе. Приходящих к нему он благословлял и приветствовал только через окошко, и не каждый день, а дважды в неделю – в субботу и в воскресенье. В остальные же дни он никому не показывался и только посту, и бдению, и молитвам предавался. И можно было видеть, что этот блаженный весь иссох телом от крайне суровой жизни» [103, с.312].

Древнерусский переводчик вместо ἠσυχαστοῦ (род. падеж) ‘отшельника’, образованного от ἠσυχάζω ‘жить молчаливо, уединенно’ (отсюда в византийском православии исихазм и исихасты), во время перевода использовал слово постникъ, постничское, что в Киевской Руси обозначали исихастов словом *молчальники*.

Таким образом, концепт «премудрости» был творчески заимствован в Киевской Руси, который стал ментальным символом-синкретой. Однако в Киевской Руси данная

синкрета стала осмысливаться как «София Премудрости». Такое широкое понимание этого символа возникло уже в 12 веке в результате переработки идей Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Симеона Логофета, Елифания Кипрского и других отцов-ортодоксов византийской церкви.

На начальном этапе возник симбиоз славянской и христианской культур, который создал прецедент для возникновения новых символо-синкрет, появившиеся в структуре синергии и закрепились в языке и речи восточных славян. Такое закрепление в языке и в сознании людей протекало разными путями: во-первых, во время свободного эквивокабельного перевода среднегреческих символов, во-вторых. Древнерусские книжники осознанно искажали во время перевода отдельные места среднегреческого текста там, где отстаивались приоритеты в области понимания сакральных догматов, утверждавшиеся в жестокой борьбе с представителями разного толка еретичества. В-третьих, переработанная византийская ментальность органически вошла в сознание людей, которая оставалась неизменной до никоновских реформ, а после раскола церкви ее пытались удержать в неизменной форме последователи протопопа Аввакума.

Однако становление новой ментальности происходило не так гладко, как это представляется сегодня. Так, И. Данилевский указывает, что большинство жителей по своим убеждениям не были христианами, они были на самом деле язычниками. Возникло двоеверие: христианами по форме и язычниками по существу. Для того чтобы преодолеть такое двоеверие книжники во время перевода византийских текстов усиливали христианскую сакральность. Так, мы наблюдаем нарочитую «порчу» и переосмысления отдельных мест во время перевода ХГА. Ситуация 11-12 веков была таковой, как мы пытались это представить в нашей книге, опираясь только на анализ текста ХГА и других славянских текстов, составленных в разных местах славянского мира.